

Субъективная сторона содействия террористической деятельности характеризуется прямым умыслом, включающим осознание виновным своего вклада в осуществление этой деятельности. О наличии прямого умысла свидетельствует указание в законе на цель совершения лицами, которым оказывается содействие, преступлений, образующих террористическую деятельность.

В ст. 3 п. 1 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» указано, что такая деятельность включает в себя: организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Уголовно-правовое понятие террористической деятельности является более широким, кроме того, не одинаково применительно к различным видам действий, указанным в ст. 205.1 УК РФ. Наиболее широким является понятие террористической деятельности к таким видам действий, как склонение, вербовка, иное вовлечение, вооружение, подготовка и финансирование (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 205.1, примечание 1 к ст. 205.1 УК РФ). Более узким является понятие террористической деятельности применительно к таким видам действий, как пособничество, организация, руководство и организация финансирования (ч. 3 и ч. 4 ст. 205.1 УК РФ). Это означает, что применительно к каждому из указанных видов действий цель охватывает разный круг преступлений, образующих террористическую деятельность.

Примечание к ст. 205.1 УК РФ содержит в себе компромиссную норму, побуждающую лицо, содействовавшее террористической деятельности, к деятельному раскаянию. Суть компромисса состоит в том, что это лицо освобождается от уголовной ответственности за такое содействие, если оно способствовало предотвращению или пресечению указанных в ст. 205.1 УК РФ преступлений своевременным сообщением органам власти или иным образом.

Чистотина О.Н.,

кандидат педагогических наук

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКА

Учитывая осложненную политическую ситуацию в мире и обостренные отношения Российской Федерации с некоторыми странами представляется возможным предполагать дальнейшее повышение уровня преступности террористической направленности, в том числе и захват заложников. В настоящее время имеется ряд вопросов, возникающих при квалификации преступления по ст. 206 УК РФ. В связи с этим видится необходимым предложить ряд мер по совершенствованию норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за захват заложника.

По моему мнению, действующая диспозиция ч. 1 ст. 206 УК РФ раскрывает данную норму не полностью, что вызывает определенные трудности в правоприменительном аспекте в понимании объективной стороны данного преступления. Учитывая, что захват заложника совершается насильственными действиями, представляется целесообразным скорректировать диспозицию ч. 1 ст. 206 УК РФ следующим образом: «Захват или удержание лица в качестве заложника, то есть насильственное завладение человеком, сопряженное с последующим ограничением его свободы и удержанием путем насильственного воспрепят-

ствования оставления указанным лицом места его нахождения, совершенное в целях понуждения государства, организации или гражданина (граждан) совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия прямого или косвенного освобождения заложника».

Особое место в совершении данного преступления, как показывает анализ судебной практики, занимает подготовка преступников к совершению данных преступлений. В таких случаях субъект преступления тщательно планирует свои действия, в случае группы лиц они распределяют обязанности, что значительно усложняет работу правоохранительным органам. Помимо этого, преступники в качестве подготовки занимаются поиском предметов, облегчающих совершение преступления, чаще всего такими предметами являются огнестрельное оружие, боеприпасы к нему, взрывные устройства и взрывчатые вещества, а также иные предметы, используемые в качестве оружия. Использование данных предметов представляет особую общественную опасность, они служат для преступников средствами, облегчающими совершение преступления, и являются предметами, способными привести к наступлению тяжких последствий.

Стоит отметить, что от предмета, используемого при захвате заложника, зависят характер и степень общественной опасности. Так, по моему мнению, значительно различаются характер и степень общественной опасности захвата заложников с применением предметов, используемых в качестве оружия, и захвата заложников с применением оружия.

В связи с этим представляется правильным разделить п. «г», ч. 2 ст. 206 УК РФ на два самостоятельных квалифицирующих признака, определив их в п. «г» и п. «и», сформулировав данные нормы следующим образом:

«г) с применением предметов, используемых в качестве оружия;

и) с применением огнестрельного оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ».

Проведенный анализ п. «д» и п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ позволил сделать вывод о том, что законодатель предусматривает ответственность за захват заложника в отно-

шении заведомо несовершеннолетнего лица и заведомо беременной женщины. Исходя из этого прослеживается позиция законодателя выделить в качестве обязательного признака данного состава потерпевшего. Можно сделать вывод, что законодатель желает защитить лиц, которые относятся к наиболее слабой, незащищенной и уязвимой части населения, при этом выделив только несовершеннолетних и женщин в состоянии беременности. Безусловно, данный квалифицирующий признак действительно обладает повышенной общественной опасностью по сравнению с основным составом захвата заложника, но имеет не полный перечень.

Так, на мой взгляд, к наиболее слабой, незащищенной и уязвимой категории лиц также стоит относить лиц, находящихся в беспомощном состоянии. Законодатель, определяя нормы п. «д» и п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ, выделял указанных лиц по признаку того, что их захват будет служить обстоятельствами, облегчающими совершение преступления. Так, если жертвой захвата заложника становится лицо, находящееся в беспомощном состоянии, указанное обстоятельство понимается как облегчающее совершение преступления ввиду невозможности оказания последним сопротивления.

Помимо этого, считаю целесообразным выделить в качестве потерпевшего малолетнее лицо, так как оно также относится к наиболее слабой, незащищенной и уязвимой категории лиц, которые не способны оказать сопротивление преступнику. Также в случае захвата малолетнего лица стоит говорить о глубокой антисоциальной направленности действий преступника и его глубокой криминальной деформации.

В связи с этим представляется возможным внести дополнения в п. «д», ч. 2 ст. 206 УК РФ и сформулировать ее следующим образом:

«д) в отношении заведомо малолетнего или несовершеннолетнего либо лица, находящегося в беспомощном состоянии».

Таким образом, предложенные рекомендации по совершенствованию законодательства, предусматривающего ответственность за захват заложников, помогут судам более дифференцированно назначать наказание за совершенные деяния, а также позволят снизить возможность допущения